Пришла я как-то на Литургию в наш маленький вергунский храм. Уже и Символ веры пропели, и к Чаше пригласили. Мне было обидно, что снова не подготовилась к Святому Причастию, снова из-за лени сама себя лишила глотка из волшебной Чаши. И вдруг услышала голос, который выбивался из общего потока звука: «Источника бессмертного вкуси-и-ите...» Поворачиваю голову, а рядом стоит Анатолий Петрович и подпевает церковному хору. И так глаза у него горят!

Мы оба удивились. Я не знала, что он воцерковлён, мы встречались вместе с другими «крыльевцами» в его «богем-

ном трюме» в нашей общей Вергунке. Пили чай в его личном музее Есенина, шутили и смеялись до боли в животе, читали стихи под шум дождя и рассматривали его картины. Уж не помню, сколько он мне их подарил. Одна из картин, написанная Анатолием Петровичем на куске железа в 1966 году, «Святая Надежда», часто спасала меня от отчаяния, подпитывая сильнейшим его оптимизмом… В глазах Святой Надежды читается многое от самого Анатолия Петровича: скромность, доброта, открытость, загадочность…

Мы дружили лет пятнадцать с того самого дня, когда Андрей Чернов познакомил меня «с интереснейшим человеком». Приходили к нему в гости в том числе и с моим мужем, делали шутливые записи в его «Книгу жалоб и предложений». Когда Рома умер, Анатолий Петрович усердно молился об упокоении его души и приговаривал: «Лучше бы я вместо него… такой молодой!»

А на Медовый Спас у него всегда был свежайший мёд с яблоками! Любил шутить, что у него нет кружек для чая, но тут же тащил их из какого-то тайного ларца на кухне. И мы пили из потрескавшихся старых кружек самый вкусный в мире чай… Приходили в гости и с папой. Они потом обменивались с Анатолием Петровичем черенками диковинного винограда.

Именно в его зале я написала своё заявление на вступление в Союз писателей ЛНР и передала Андрею Чернову. Анатолий Петрович всегда просил нас, «крыльевских» поэтов, почитать новых стихов. Да, «новенькое» звучало тоже там…

А какие поэтические битвы (шуточные, конечно) мы там устраивали! Помню, в один из своих приездов из Петербурга я пришла в «богемный трюм», где мы весело отметили день рождения Михаила Матусовского. Светлана Сеничкина испекла вкуснейший пирог, чай лился рекой, и где-то на третьей кружке мы устроили поэтическую битву «Маяковский против Есенина». Ливень дерзко бил по окнам, раздавались ужасающие раскаты грома, а нам было тепло и хорошо. В битве начал было побеждать Есенин, но я всё испортила, прочитав стихотворение о милом котёнке, в финале которого сообщалось: «А еще через несколько лет Из кота того сделали шапку, А ее износил наш дед»... Мы хохотали на разрыв, я чуть не убилась на ветхом шатком крылечке, где мы с Леной Настоящей записывали видео этого шедеврального стихотворения в декорациях ливня. Теперь эта запись стала ещё ценнее...

Не все знают, что одна из картин Анатолия Петровича, написанная им по роману Достоевского «Игрок», хранится в Музее Достоевского в Петербурге. Я по его просьбе передала её в дар в один из дней рождений Фёдора Михайловича.

Когда Анатолий Петрович уходил, меня не было рядом... Мы с ним обнялись в последний раз летом, в очередной мой приезд в луганский отпуск. Он тогда казался совсем невесомым, казалось, что вот-вот упорхнёт, как бабочка. И упорхнул...